

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ДЕЛО ПРОФЕССОРА Б.В. ЧОБАН-ЗАДЕ*

© 1998

Ф.Д. АШНИН, В.М. АЛПАТОВ

Среди востоковедов, ставших жертвами репрессий 1937-1938 гг., был и Бекир Вагапович Чобан-заде (1893-1937), человек необычной судьбы и большого таланта. Сын крымского татарина-пастуха (отсюда его прозвище, в дальнейшем превратившееся в фамилию), он по счастливому стечению обстоятельств попал в лицей в Стамбуле, а затем с 1914 г. учился в Будапештском университете, который окончил в 1919 г. В этом же году, в период недолгого существования Венгерской советской республики, Б.В. Чобан-заде стал, по его позднейшим заявлениям, организатором иностранного полка в Венгерской красной армии. В 1920 г. по чужому паспорту он вернулся в Крым, где еще господствовал Врангель, запретивший любые крымско-татарские организации. Б.В. Чобан-заде включился в нелегальную деятельность против белых. После падения режима Врангеля он перешел на сторону советской власти и до 1924 г. активно участвовал в общественной жизни Крыма, будучи членом Крымского ЦИКа и одним из руководителей национальной татарской партии "Милли-фирка", первоначально существовавшей легально. Затем, однако, милли-фиркатовцы начали подвергаться преследованиям, к тому же Б.В. Чобан-заде разошелся с другими руководителями этой партии по ряду вопросов, в том числе по вопросу о крымско-татарском алфавите (он выступил за латинизацию, а его товарищи по партии - за сохранение арабского алфавита). Все это привело Б.В. Чобан-заде к отходу от политики. В 1925 г. он переехал в Баку, где проработал до ареста. К началу 1937 г. Б.В. Чобан-заде был профессором Бакинского университета и сотрудником Азербайджанского филиала АН СССР.

Научная деятельность Б.В. Чобан-заде, начавшаяся в Крыму и продолжавшаяся в Баку, была очень успешной¹. Накануне гибели, уже сломленный пытками, ученый так характеризовал свою деятельность:

"1. Я являюсь первым профессором на Советском Востоке по своей специальности, удостоенным этого звания советской же властью и читавшим первые лекции на родных языках народов этих стран. Мною впервые разработаны университетские курсы по своей специальности.

2. За весь период моей научной деятельности мною написано приблизительно сто пятьдесят (150) научных работ, из которых минимум сто (100) являются первыми попытками научного обоснования проблем азербайджанского языка и литературы на азербайджанском языке. Большинство этих работ и теперь не теряют своего научного значения.

3. Мною подготовлены сотни специалистов языковедов и литературоведов почти на пустом месте; среди этих моих учеников имеются десятки высококвалифицированных научных работников-доцентов и ассистентов, зарекомендовавших себя своими научными работами за пределами своей страны" (следственное дело Б.В. Чобан-заде № ПР26926 в трех томах, хранится в Центральном архиве МНБ Азербайджана. Т. 1, не нумеровано; далее при ссылках на это дело будут указываться

лишь номера томов и листов; мы также будем ссылаться на т. 7 и 8 дела Р. Ахундова № ПР16629).

Об уровне знаний Б.В. Чобан-заде свидетельствует, например, такой факт, упомянутый в следственном деле и вряд ли вымышленный. Как рассказывал арестованный историк Вели Хулуфлу, при приеме в Баку делегации иностранных ученых в качестве переводчика пригласили работавшего там в те годы видного ботаника А.А. Гроссгейма, впоследствии академика. Тот, однако, не справился с задачей, и спас положение Б.В. Чобан-заде, единственный из присутствующих, свободно владевший французским языком. После этого азербайджанские ученые говорили: "Мы переоцениваем таких профессоров, как Гроссгейм и другие, и недооцениваем свои кадры" (т. 3, л. 773).

В первые годы после переезда в Баку Б.В. Чобан-заде пользовался большим авторитетом и официальной поддержкой. Он много печатался, готовил национальные кадры, активно участвовал в работе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА), первоначально работавшего в Баку, был одним из руководителей 1-го Тюркологического съезда, проходившего в Баку в 1926 г. Однако на грани 20-30-х годов началась борьба с "буржуазным национализмом", и Б.В. Чобан-заде попал под огонь критики. На одном из допросов он показал, что в 1930-1931 гг. он ждал ареста и его знакомые азербайджанские коммунисты предупреждали его, что он будет арестован (т. 2, л. 601). Однако тогда он остался на свободе (в следственных анкетах 1937 г. он именуется "ранее несудимым"). Б.В. Чобан-заде продолжал работать, а к середине 30-х годов его положение казалось более или менее благополучным. Здесь играл роль его авторитет среди ряда руководителей Азербайджана. Особенно его ценил видный азербайджанский коммунист Рухулла Али оглы Ахундов (1897-1938), который большую часть 20-х годов (с перерывами) был секретарем ЦК Компартии Азербайджана (до 1933 г. пост первого секретаря занимали неазербайджанцы, он среди представителей коренной национальности занимал высший пост в партийной иерархии республики). В 30-е годы, однако, положение Р. Ахундова стало ухудшаться ввиду его конфликта с новым руководителем Азербайджана М.Д. Багировым, возглавившим в 1933 г. ЦК КП республики. Последние годы перед арестом Ахундов был понижен в должности и занимал лишь второстепенные посты, среди которых была должность зам. зав. Азербайджанским филиалом АН СССР (формальный заведующий, академик И.И. Мещанинов, жил в Ленинграде и редко бывал в Баку; фактическим руководителем филиала был Ахундов). Р. Ахундов привлек Б.В. Чобан-заде к работе в Академии наук и постоянно ему помогал.

К концу 1936 г. в азербайджанском руководстве обострилась борьба за власть. М.Д. Багиров, в прошлом начальник ГПУ Азербайджана, использовал в данной ситуации свои давние связи с Л.П. Берия. В начале 20-х годов Берия в Азербайджанском ГПУ был подчиненным Багирова, но в 30-е годы их роли поменялись: Азербайджан до 1936 г. входил в ЗСФСР с центром в Тбилиси, и Багиров подчинялся Берия, занимавшему пост первого секретаря ЦК КП Закавказья. И хотя в декабре 1936 г. ЗСФСР была упразднена и Баку стал непосредственно подчиняться Москве, тесные контакты Багирова с Берия, в свою очередь близко связанным с И.В. Сталиным, продолжались вплоть до 1953 г. Все это Багиров использовал в борьбе за единоличную власть в республике.

Самым опасным своим соперником Багиров считал Ахундова, имевшего солидный опыт партийной работы и пользовавшегося большим авторитетом в Азербайджане, особенно среди национальной интеллигенции. Первым среди азербайджанских руководителей был арестован Ахундов в подьезде своего дома 17 декабря 1936 г. Стало раскручиваться дело, все более расширялся круг арестованных. В течение 1937 г. были репрессированы все сколько-нибудь видные азербайджанские руково-

дители, кроме Багирова и его ближайшего соратника - наркома внутренних дел Ю.Д. Сумбатова. Почти все арестованные были расстреляны.

Попутно к делу подключили и несколько сот лиц, каким-либо образом связанных с этими руководителями, - начиная от рабочих нефтепромыслов и кончая многими видными деятелями культуры азербайджанского и других тюркских народов. Баку в 20-30-е годы был в СССР крупнейшим центром науки и культуры этих народов, там помимо Б.В. Чобан-заде работали ученые, происходившие из других тюркоязычных республик и областей СССР. Большинство из них стали жертвами репрессий 1937 г.

После ареста Р. Ахундова одним из направлений раскрутки дела стало "вредительство" в руководимом им научном центре. К январю 1937 г. на Б.В. Чобан-заде были получены показания от уже арестованных бывшего мусаватиста М.Г. Бахарлы и Чичикалова (Р. Ахундов не давал показаний до апреля). Этого было достаточно для формальных "оснований" ареста.

Дело открывается справкой-основанием для ареста (л. 1) и постановлением об избрании меры пресечения (т. 1, л. 2). Оба документа составлены пом. начальника 4-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД Азербайджана лейтенантом (т.е. фактически подполковником) Шером; постановление утверждено Сумбатовым 27 января 1937 г. В тот же день на бакинской квартире ученого был произведен обыск, во время которого изъяли 38 книг и другие материалы (протокол обыска - т. 1, л. 8). Но сам профессор находился в Кисловодске в санатории "Горняк". В деле подшита переписка НКВД Азербайджана с УНКВД Северо-Кавказского края об аресте Б.В. Чобан-заде, который произошел в Кисловодском санатории в ночь на 28 января (в некоторых публикациях о нем приводится дата ареста - 12 января 1937 г., которую следует считать неверной). Постановление об аресте от 28 января (т. 1, л. 17) утверждено зам. начальника УНКВД Северо-Кавказского края Раевым, которому спустя год предстояло сменить в должности Сумбатова, наркома внутренних дел Азербайджана, переведенного в Москву; в Баку Раев будет и арестован в ноябре 1938 г. прямо в кабинете Багирова.

Как видно из материалов дела, до прибытия спецконвоя из Баку Б.В. Чобан-заде был помещен в Пятигорскую тюрьму, затем отправлен в Баку, куда прибыл не позднее 2 февраля. Этим числом помечена "анкета арестованного" (т. 1, л. 12), имеется и более ранняя анкета, заполненная еще в Пятигорске (т. 1, л. 15). Анкеты уточняют биографические данные ученого; в частности, указана дата рождения — 15 мая 1893 г., которую, видимо, следует считать правильной². В графе "знание языков" указаны: русский, французский, венгерский, персидский, арабский "и другие" (там же).

Большую часть дела (л. 18-771 общей пагинации, почти весь т. 1, весь т. 2 и начало т. 3) занимают протоколы допросов Б.В. Чобан-заде. Зафиксированы 32 допроса, первый из которых датирован 7-9 февраля 1937 г., последний - 1 сентября того же года. Далее (т. 3, л. 772-1004) следуют выдержки из протоколов допросов других последственных, в которых шла речь о Б.В. Чобан-заде.

Все эти протоколы стандартны и похожи на тысячи аналогичных протоколов, составлявшихся в 1937г. в Баку и других городах. С самого начала ученый был вынужден признаться в "контрреволюционной деятельности", но следователи требовали все большего. Поначалу Б.В. Чобан-заде каялся лишь в деятельности, связанной с "Милли-фирка", но затем его заставили показать о непрерывном участии в "националистических" и "пантюркистских" организациях в период с 1920 по 1937 г. Еще 16 февраля он признавался лишь в "идейной" "контрреволюционной деятельности" (т. 1, л. 83), но уже 23 апреля в его показаниях речь идет о "повстанческом движении" и участии в разработке "планов вооруженного восстания" (т. 2, л. 333-347). Профессора заставляли признаваться в связях с милли-фиркатовцами (в том числе и после переезда в Баку), мусаватистами, "султан-галиевцами", дашнаками, узбекскими "пантюркистами" и т.д. Аналогичны и показания на Б.В. Чобан-заде, "выбитые" у

арестованных одновременно с ним или чуть позже бакинских ученых, среди которых - выдающийся татарский историк Г.С. Губайдуллин, его азербайджанский ученик В. Хулуфлу, языковед Зейналлы и др.

Любой факт биографии ученого ставился ему в вину. Его приезд в 1920 г. в Крым трактовался как выполнение "задания лидера крымской эмиграции Джафара Сейдаметова" для "борьбы с советской властью" (т. 3, л. 768), хотя в момент "получения задания" Крым был еще под господством Врангеля. Тюркологический съезд 1926 г. превратился в конспиративное совещание, где "мы договорились о блоке с представителями контрреволюционных и националистических формирований других республик" (т. 2, л. 412). Поездки Б.В. Чобан-заде и других ученых из Баку в Среднюю Азию с научными целями якобы "были направлены к тому, чтобы установить связь с действующими контрреволюционными националистическими организациями, выяснить их реальные возможности и получить представление об их кадрах" (т. 2, л. 414). Последняя научная командировка Б.В. Чобан-заде летом 1936 г. в сельские районы Азербайджана для сбора диалектологического и фольклорного материала представлена как "вербовка учителей, народных сказителей" (т. 1, л. 300) и "сбор вокруг себя крестьян под видом изучения фольклора" (т. 1, л. 303). Даже Союз безбожников Азербайджана назван в одном из протоколов "прикрытием" для "создания повстанческих формирований" (т. 2, л. 335).

В соответствии с традицией времен ОГПУ следователи в некоторых протоколах включали "контрреволюционную деятельность" ученого в контекст его реальных знакомств, связей и путешествий. Таков, например, обширный протокол допроса от 7 мая 1937 г. (т. 2, л. 408-487), где речь идет о связях Б.В. Чобан-заде с узбекскими "контрреволюционерами"; он содержит значительный материал о времени и маршрутах поездок ученого в Узбекистан, его встречах с учеными и писателями - Фитратом, Гази Гулямом Юнусовым и др., не вызывающий сомнений в достоверности. Но в 1937 г. чаще не утруждали себя такими поисками правдоподобия, а дело все расширялось в связи с арестом новых и новых лиц. И вот 25 июня 1937 г. Б.В. Чобан-заде заявляет, что им "действительно пока не назван ряд лиц - членов контрреволюционной пантюркистской организации, проводивших конкретно нелегальную контрреволюционную работу" (т. 2, л. 547). И далее (т. 2, л. 547-557) идут показания о якобы созданном в конце 1934 г. "Всесоюзном объединенном центре" во главе с зам. председателя Совнаркома РСФСР Т.Р. Рыскуловым. В числе членов центра наряду с бывшим директором учебного Института востоковедения в Москве С. Асфандиаровым, пред. облисполкома Карачаево-Черкесии О. Алиевым, дагестанским просветителем А. Тахо-Годи и др. названы Г.С. Губайдуллин и сам Б.В. Чобан-заде (т. 2, л. 567-568). Однако из самих показаний профессора видно, что большинство из перечисленных им лиц он лично не знал, других (кроме Г.С. Губайдуллина) встречал "в 1928 г." или "до 1930 г."; об их деятельности именно в тот период, когда "центр" существовал, он узнавал лишь с чьих-то слов. Таким образом, оказывалось, что член "центра" узнал о его существовании лишь "на основе беседы с Губайдуллиным" (т. 2, л. 553).

Иногда материалы дела опровергались даже другими документами Азербайджанского НКВД, что было отмечено в период реабилитации. Тогда в деле появился любопытный документ, не вызывающий сомнений в его надежности. Это "справка", где говорится: «Чобан-заде Бекир с 1928 года по 1935 год включительно разрабатывался НКВД АзССР по агентурной разработке "Баши-Бузуки" вместе с другими проживавшими в Азербайджане (крымскими татарами. - Ф.А., В.А.). В конце 1935 года в донесении Наркомвнудел АзССР Сумбатова в адрес НКВД СССР указывалось, что никаких антисоветских проявлений со стороны Чобан-заде не установлено, контрреволюционную связь с бывшими "милли-фирковцами"... он не поддерживает. В связи с этим агразработка (агентурная разработка. - Ф.А., В.А.) на Чобан-заде была прекращена» (т. 8, л. 218). Итак Ю.Д. Сумбатов прекрасно знал, что представлял

собой Б.В. Чобан-заде. Но именно он руководил следствием по делу ученого, его подпись имеется на ряде документов. Отметим, что Б.В. Чобан-заде еще 13 сентября 1929 г. пришлось печатно отречься от "Милли-фирка" в газете "Бакинский рабочий", о чем он вспоминал на первом допросе (т. 1, л. 24). Но в дальнейшем его заставили заявить, будто уже в 30-е годы он получал от Дж. Сейдаметова "инструкции по подготовке вооруженного восстания" (т. 1, л. 186).

Особо следует отметить протокол от 13-14 июля 1937 г. (т. 2, л. 608-642), где приводятся показания Чобан-заде об академике А.Н. Самойловиче, в это время еще занимавшем должность директора Института востоковедения АН СССР. В протоколе имеются фактические сведения о личных связях двух выдающихся тюркологов, которые сомнений не вызывают: познакомились они в 1924 г. в Баку на краеведческом съезде Азербайджана, потом встречались в 1925 г. в Ленинграде, в конце того же года - в Баку, куда А.Н. Самойлович приезжал для подготовки 1-го Тюркологического съезда, а в феврале 1926 г. - на самом съезде; зафиксированы также их контакты в 1928 г. в Баку на орфографической конференции, в том же году - в Ленинграде, в 1929 г. — в Самарканде на конференции по вопросам языка и литературы и др. Можно согласиться и с некоторыми приводимыми в показаниях благожелательными отзывами А.Н. Самойловича о Б.В. Чобан-заде, с неудавшейся попыткой выдвинуть его в члены-корреспонденты АН СССР, а также с разговорами, происходившими между учеными, "о развале научного фронта, о загоне интеллигенции, об отсутствии внимания к науке и культуре" (т. 2, л. 620). Но это тонет в море голословных утверждений о "пантюркистских тезисах и установках" академика, его участии в "контрреволюционных организациях" под "прикрытием" Коллегии востоковедов при АН СССР и других организаций.

Из протокола видно, что уже в июле 1937 г. готовился арест А.Н. Самойловича. осуществленный 2 октября того же года (тогда же об академике допрашивали и Г.С. Губайдуллина). Однако в ходе фабрикации его дела основное внимание было уделено не "пантюркистскому", а японскому следу, хотя А.Н. Самойлович очень мало был связан с Японией; тем не менее упоминание о немце В.В. Радлове как о "пантюркисте" в следственное дело попало. Видимо, из-за этого в следственной части дела А.Н. Самойловича имя Б.В. Чобан-заде, как и Г.С. Губайдуллина, не упоминается; однако в реабилитационной его части Б.В. Чобан-заде упомянут среди лиц, на основе показаний которых был арестован академик (Г.С. Губайдуллина нет и там)³.

Достаточно ясно, каким образом следователи добивались своих целей. Назовем их фамилии. Большую часть допросов вели уже упоминавшийся Шер и его непосредственный начальник, начальник 4-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД Азербайджана Х.И. Григорьян. Иногда в допросах участвовал следователь Зыков, одновременно вместе с Шером "обрабатывавший" С.Г. Губайдуллина. Несколько допросов провел "сам" заместитель наркома Герасимов, второй по рангу после Сумбатова из участников фабрикации дела.

Некоторые "методы" следствия зафиксированы во время подготовки реабилитации Б.В. Чобан-заде. В "Протоколе осмотра" от 11 марта 1955 г. сказано о протоколе очной ставки Б.В. Чобан-заде и Р. Ахундова от 22 августа 1937 г.: "При сличении протокола допроса Чобан-заде от 17-20.4.37 г. (т. 1) с протоколом указанной очной ставки (т. 3) оказалось, что показания Чобан-заде на очной ставке в основном текстуально переписаны из протокола допроса Чобан-заде" (т. 8, л. 196). Далее перечисляются отрывки текста, полностью совпадающие, вплоть до пунктуации. Там же сказано: "Тексты протоколов допросов Чобан-заде, написанные чернилами, подписанные обвиняемым, зачеркивались, вносились изменения карандашом не обвиняемым и без его оговорок, а исправленные тексты перепечатывались и приобщались к делу" (т. 8, л. 197).

Но помимо фальсификаций у следователей имелись и менее "интеллигентные"

способы получить необходимые показания. Об этих способах мы, правда, не имеем прямых данных в отношении Б.В. Чобан-заде, но в других делах, шедших параллельно, особенно в реабилитационной части дела Р. Ахундова, собран значительный и впечатляющий материал о пытках в отношении его однодельцев. И нет оснований сомневаться в том, что и в отношении Бекира Вагаповича применялось то, что в 50-е годы стыдливо именовалось "незаконными методами ведения следствия".

В 1937 г. били и истязали подследственных по всей стране, но о том, что делалось в Баку, в 1954-1956 гг. было собрано особенно много данных. Это связано с тем, что подготовка к реабилитации жертв описываемой здесь акции шла параллельно со следствием по делу арестованных в 1953 г. М.Д. Багирова, Ю.Д. Сумбатова и их окружения. Два тома дела Р. Ахундова (т. 7 и 8) специально посвящены выяснению злодеяний этих людей.

Приведем лишь несколько свидетельств. Вот показания бывшего оперуполномоченного НКВД Азербайджана В.М. Дудиева от 12 октября 1954 г.: «Я видел, что всех арестованных на допросах избивали жесточайшим образом. Били кулаками, ногами, били резиновой дубинкой, давали длительную стойку, причем делалось это с двумя целями: заставить арестованного признать себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации, а после признания добиться от арестованного показаний на возможно большее количество так называемых участников контрреволюционной организации... Однажды я зашел в кабинет Сонькина или Ермакова - точно не помню, - там находился оперуполномоченный Мусатов Николай (боксер), нач. отдела Цинман, нарком Сумбатов и еще кто-то из работников. Из арестованных в кабинете был Эфендиев Султан Меджид (бывший председатель ЦИК Азербайджана. - *Ф.А., В.А.*), он сидел на полу в разованной рубашке, весь избит. Его кто-то из следователей обливал водой и приводил в чувство, а другой в это время говорил ему: "Давай показания..." Мусатов, например, для избивания арестованных надевал специальные боксерские перчатки и в них бил арестованных. Я видел неоднократно, как Мусатов переходил из кабинета в кабинет и принимал участие в издевательствах над допрашиваемыми. В результате этого он пользовался большим авторитетом и вниманием у Сумбатова, Герасимова и Цинмана. На оперативном совещании нач. отдела Цинман и зам. наркома Герасимов неоднократно давали "установку" всем следователям о том, что к арестованным разрешается применять любые репрессии» (т. 7, л. 132-133).

Другой бывший оперуполномоченный, А.С. Агавелов, показал 21 августа 1955 г.: "Избиение арестованных носило массовый характер. Допрашивали и избивали арестованных, как правило, по ночам. Для избивания арестованных применяли специальные резиновые дубинки... Сумбатов допрашивал очень многих арестованных. Среди сотрудников были разговоры, что он сам очень сильно избивал арестованных" (т. 7, л. 262-263).

А вот что рассказывал зам. начальника Бакинской тюрьмы Г.Г. Саркисов 3 сентября 1954 г. о 1937 г.: «В тот период в кабинетах здания АзНКВД стоял сплошной вой от криков, плача избиваемых арестованных. С 22.00 и до утра в здании АзНКВД никого не выпускали и никого из здания не выпускали. В это время Сумбатов делал обход кабинетов следователей... Я помню такой факт. В 1937 г. Гвоздев избивал бывшего секретаря Бакинского горисполкома. Я присутствовал при этом. В кабинет к Гвоздеву вошел Сумбатов и сказал: "Бей как следует!". В моем присутствии здесь же Сумбатов ударил по лицу этого арестованного, а потом коленом - по половым органам. Арестованный упал и потерял сознание. Сумбатов вышел после этого из кабинета» (т. 7, л. 110-111).

Приведем еще рассказ надзирателя той же тюрьмы А.М. Тагиева от 17 мая 1954 г.: "Перед тем как арестованных вывозили на расстрел, их очень часто избивали. В таких случаях арестованных избивали в специальных помещениях, где они ожидали,

пока их повезут на расстрел" (т. 7, л. 333). Назвав в числе участников таких зверств наркома Сумбатова и его заместителя Герасимова, Тагиев заключал: "С какой целью избивали арестованных, приговоренных к расстрелу, я не знаю" (там же). Битье осужденных на казнь уже нельзя было объяснить никакой "целесообразностью", это был садизм в чистом виде!

Но вернемся к делу Б.В. Чобан-заде. На другой день после последнего оформленного допроса, 2 сентября 1937 г., было составлено Цинманом и утверждено Сумбатовым и прокурором (подпись неразборчива) "Обвинительное заключение" (т. 3, л. 1006-1014). В нем утверждалось: "Следствием установлено, что обвиняемый Чобан-заде Бекир Вагапович является одним из активных руководителей всесоюзной контрреволюционной пантюкистской организации, входил в состав объединенного контрреволюционного пантюкистского центра и с 1920 года до дня своего ареста стоял на позиции активной борьбы с советской властью, проводя практическую контрреволюционную работу в национальных республиках СССР" (т. 3, л. 1006). Далее перечислены иллюстрируемые выдержками из показаний "этапы" "контрреволюционной деятельности", среди которых и переезд в Баку "во исполнение директивы Джафара Сейдаметова" (т. 3, л. 1007), и "работа по созданию контрреволюционных повстанческих групп в Азербайджане" под руководством Р. Ахундова (т. 3, л. 1012), и получение денег "за шпионскую работу" от немецкой, английской и японской разведок (т. 3, л. 1013). Вывод: "На основании изложенного обвиняется Чобан-заде Бекир Вагапович... в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 60, 63, 70, 73 УК АзССР" (т. 3, л. 1013-1014). И далее: "Настоящее следственно-арестантское дело подлежит направлению в Военную Коллегию Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1-го декабря 1934 года" (т. 3, л. 1014). Это означало рассмотрение дела по упрощенной процедуре, без права на кассацию и с немедленным исполнением смертного приговора.

В эти же дни в Баку перестали допрашивать и других подследственных по данному делу. Пора было подводить черту. Однако, очевидно по требованию Москвы, произошла сортировка на две группы. Ахундова и других высших руководителей Азербайджана этапировали в столицу, где начался новый этап допросов; все они будут расстреляны в Москве 21 апреля 1938 г. А арестованных ниже рангом - ученых, писателей и др. - оставили в Баку и начали готовить к суду. Все было решено. Однако их жизнь продлилась еще более месяца. Для формального соблюдения "законности" ждали приезда выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, именованной "тройкой". Она ездил по городам страны и еще не доехала до Баку.

В деле имеется лишь один, но важный документ, относящийся к этому периоду, — заявление "от профессора, доктора филологии Б.В. Чобан-заде" на имя Сумбатова от 21 сентября 1937 г. В начале статьи уже приводилась выдержка из него, в которой ученый писал о своих научных заслугах. При этом он подтверждал свои показания на следствии и каялся в том, что "за весь период своей деятельности при Советской Власти... был окружен национал-уклонистами и находился под их влиянием и руководством". Он лишь подчеркивал, что не играл в организациях руководящей роли и что "национал-уклонисты прибегали к угрозам и травле меня". Признаваясь в "контрреволюционной пантюкистской деятельности" и одновременно перечисляя свои реальные заслуги в науке и подготовке кадров, Б.В. Чобан-заде заявлял: "Я со всей своей искренностью заявляю, что я полностью разоружился; решительно отказываюсь впредь от всякого рода контрреволюционной работы и готов с бесконечным энтузиазмом участвовать в строительстве социализма в нашей необъятной стране под руководством Великой Коммунистической Партии. Я решил окончательно и бесповоротно порвать со своим прошлым и со всеми организациями и лицами, с которыми я был связан по своей контрреволюционной пантюкистической работе в прошлом. С этой целью на следствии я пользовался доступными мне средст-

вами как в отношении саморазоблачения, так и насчет разоблачения всех известных мне контрреволюционных организаций, групп и лиц. Поэтому я прошу Великую Коммунистическую Партию и Советскую Власть дать мне возможность работать по своей специальности и участвовать также в укреплении мощи Советского Союза, и в дальнейшем разоблачении контрреволюционных националистов всех мастей".

Такой крик души уже не мог иметь никакого значения. Все было давно решено. Отметим, что не все из тех, кого Б.В. Чобан-заде и его товарищи по несчастью именовали в показаниях "членами организации", были арестованы. В частности, уцелели писатели Абдулла Шаик и Сулейман Рустам, композитор Узеир Гаджибеков, специалисты по языку и литературе Али Султанлы, Микаил Рафили, Касум-заде и др. (этот факт был отмечен в пользу Б.В. Чобан-заде при подготовке его реабилитации). Вероятно, этих людей решил пощадить Багиров. Но судьба самого Бекира Вагаповича была решена еще в январе 1937 г. На заявлении от 21.IX имеется резолюция: "Т. Григорьяну. Вложить в дело. 9.X. 1937" (подпись неразборчива). Документ действительно вложен в дело в конце первого тома (нумерация страниц отсутствует).

Наконец приехала "тройка" в составе членов Военной коллегии Верховного суда корвоенюриста И.О. Матулевича (председатель), бригаденюриста И.М. Зарянова и Я.К. Жигура (члены), а также четвертого - секретаря, военного юриста 1-го ранга А.Ф. Костюшко. Их также сопровождал представитель Прокуратуры СССР корвоенюрист Р.С. Розовский. Поскольку обвиняемых (даже после отправки некоторых из них в Москву) было много, суд продолжался три дня: с 11 по 13 октября 1937 г. До Б.В. Чобан-заде очередь дошла во второй день, 12 октября. Как видно из протокола судебного заседания (т. 3, л. 1017), суд над ним открылся в 11.20 и завершился в 11.40. Все заседания такого рода проходили по стандартной формуле. Различие бывало лишь в том, что одни подсудимые заявляли на суде о своем отказе от ранее данных показаний и непризнании себя виновными, другие уже не имели сил на это. Б.В. Чобан-заде принадлежал к последним. Как сказано в протоколе, он на суде "виновным себя признал полностью" и "свои показания на предварительном следствии подтвердил" (т. 3, л. 1018). Поведение подсудимого на приговоре не влияло, все уже было согласовано. Ученого признали виновным по всем четырем статьям и приговорили к расстрелу. Последняя фраза подписанного "тройкой" приговора: "Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИКа СССР от 1-го декабря 1934 года приводится немедленно в исполнение" (т. 3, л. 1020).

Жизнь Бекира Вагаповича, однако, была продлена еще на день. Удобнее было расстреливать сразу всю группу, а судебное заседание длилось еще сутки. Всех приговоренных в течение 3 дней казнили в последний день суда — 13 октября 1937 г. Эта дата в отношении Б.В. Чобан-заде зафиксирована в "Справке" о приведении приговора в исполнение (т. 3, л. 1021).

Жена профессора, артистка Ругия Гиреевна Абдулина, была арестована на следующий день после расстрела мужа, 14 октября, и как "член семьи изменника Родины" была приговорена к 8 годам лагерей. 21 февраля 1955 г. она обратилась в МВД Азербайджана с просьбой разобраться в ее деле и в деле мужа, где, в частности, писала: "Я сама специалист, работала самостоятельно, как я могла отвечать за его действия? До сего дня я ничего не знаю, несмотря на то, что прошло много лет, я потеряла молодость, карьеру, имущество, а за что не знаю" (т. 3, л. 1028). 13 декабря 1955 г. Ругия Гиреевна, к тому времени преподаватель музыкальной школы в г. Хачмасае, была реабилитирована.

Реабилитация же самого Бекира Вагаповича несколько затянулась. 19 октября 1955 г. Военная прокуратура СССР направила запрос в КГБ Азербайджанской ССР, в котором шла речь о высылке дела Б.В. Чобан-заде. Вместе с делом были отправлены агентурные дела "Профессор" на 460 листах и "Баши-Бузуки" на 402 листах (т. 3, л. 1023). Уже упоминавшееся дело "Баши-Бузуки" было посвящено жившим в Азер-

байджане крымским татарам, а дело "Профессор", по-видимому, было связано с агентурным наблюдением над самим Б.В. Чобан-заде. Из агентурных дел в реабилитационное попала лишь процитированная выше выписка, из которой следовало, что никакой подпольной деятельности ученый не вел. В следственном деле еще одного погибшего по данному делу, ученого Халидсаида Ходжиева (Центральный архив МНБ Азербайджана, дело № 25993, л. 58), имеется также справка на Б.В. Чобан-заде, Г.С. Губайдуллина и А.Т. Сагитова от 27 марта 1956 г., в которой сказано, что никто из них не принадлежал к турецкой разведке.

Если Рухулла Ахундов и другие видные азербайджанские коммунисты были реабилитированы в конце 1955 г., то подготовка к реабилитации Б.В. Чобан-заде и Г.С. Губайдуллина происходила намного медленнее. Лишь 18 сентября 1956 г. военный прокурор подполковник Б. Плеханов подготовил заключение для Военной коллегии Верховного суда СССР, утвержденное спустя четыре дня заместителем Главного военного прокурора СССР (т. 3, л. 1030-1032). Там указано, что показания Б.В. Чобан-заде "не соответствуют действительности", лица, оговорившие его, уже реабилитированы посмертно или реабилитируются, а "данных о связях Чобан-заде с иностранной разведкой нет". Упомянуто, что показания в пользу ученого дали знавшие его профессора и преподаватели М.Ш. Ширалиев, Касум-заде, М. Дадаш-заде, А. Султанлы и Пирумов. Вывод: необходима отмена приговора.

И еще один аргумент в заключении: "Проводившие расследование по делу бывшие работники АзНКВД Герасимов, Шер, Григорьян, Цинман осуждены, а Сумбатов арестован и привлекается к ответственности за фальсификацию следственных дел" (т. 3, л. 1031). Наказаны эти люди были в разное время. Герасимов, Шер и Цинман были арестованы в начале 1938 г., когда в Баку после январского пленума ЦК ВКП(б) приехала комиссия из Москвы для выявления перегибов. Герасимова расстреляли, Шер и Цинман были приговорены к 20 годам лишения свободы, Х.И. Григорьяна расстреляли намного позже, в мае 1956 г., вместе с М.Д. Багировым. Как было сказано в официальном отчете о процессе над Багировым и пятью сотрудниками Азербайджанского НКВД, "применяя строжайше запрещенные советским законом методы следствия, подсудимые вынуждали от арестованных ложные признания в контрреволюционных преступлениях, которые в действительности ими не совершались, а также понуждали арестованных ложно оговаривать других не виновных в преступлениях лиц"⁴. Ю.Д. Сумбатов, возглавлявший в 1938-1953 гг. Хозяйственное управление НКВД-НКГБ-МГБ СССР, так и остался в разряде "арестованных", а не "осужденных", поскольку умер от рака под стражей во время следствия. Таким образом, организаторы данного дела, в отличие от многих других, понесли наказание за свои преступления. Впрочем, один из следователей, допрашивавших Б.В. Чобан-заде, - Зыков, судя, по всему, избежал ареста: в реабилитационной части дел он фигурирует лишь как свидетель.

Последний этап реабилитации Б.В. Чобан-заде занял еще более полугодя. Лишь 6 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в составе полковника юстиции А. Костромина (председатель) и подполковников юстиции А. Кошелева и Башкатова отменила приговор от 12 октября 1937 г. и прекратила дело "за отсутствием состава преступления".

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Подробно см.: *Ф.Д. Ашнин*. Бекир Вагапович Чобан-заде. - Народы Азии и Африки. 1967, № 1, с. 208-216.

² В БСЭ указана иная дата: 9(21) января 1893 г. (изд. 3. Т. 29, с. 229).

³ См.: *Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов*. Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича. — Восток. 1996, № 5, с. 153-162.

⁴ Бакинский рабочий. 27. V. 1956.